УДК 1:11/12

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
(ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ-ЭКСТЕРИОРИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССАХ
НАСЛЕДОВАНИЯ-ТРАНСЛЯЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА)**

Тахтамышев В.Г., Харламова Г.С.

*ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный университет путей сообщения»
РОСЖЕЛДОР, Ростов-на-Дону, e-mail: harlamova.alina@mail.ru*

Статья посвящена решению задачи изучения механизмов преемственности, возникшей в условиях кризисного состояния современной культуры и такой ее сферы, как образование. Представлены аргументы в пользу необходимости исследования таких факторов преемственности, как наследование-трансляция, специалистами различных научных направлений. Наследование-трансляция социокультурного опыта, включающие действия интериоризации-экстериоризации, требуют понимания возникающих проблемных ситуаций, связанных со спецификой переходов «извне – внутрь», «изнутри – вовне». Выявлены особенности актов интериоризации-экстериоризации, позволяющие интерпретировать их в качестве механизмов наследования-трансляции социокультурного опыта. Результаты исследования, представленные в статье, способствуют адекватному выбору в педагогической практике способов трансляции знаний, нацеленных на поддержание в воспитанниках способности наследования.

Ключевые слова: преемственность, наследование, трансляция, интериоризация, экстериоризация

**CONTINUITY AS THE PROBLEM OF MODERN CULTURE
(INTERIORIZATION-EKSTERIORIZATION IN PROCESSES
OF INHERITANCE-TRANSLATION OF SOCIOCULTURAL EXPERIENCE)**

Takhtamyshev V.G., Kharlamova G.S.

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, e-mail: harlamova.alina@mail.ru

Article is devoted to the solution of a problem of studying of mechanisms of the continuity which has arisen in the conditions of a crisis state of modern culture and its such sphere, as education. Arguments in favor of need of research as factors of continuity of inheritance-translation are presented by experts of various scientific directions. Inheritance-translation of the sociocultural experience, including actions of an interiorization-eksteriorization, demand understanding of the arising problem situations connected with specifics of transitions «from the outside-inside», «from within-outside». The features of acts of an interiorization-eksteriorization allowing to interpret them as mechanisms of inheritance-translation of sociocultural experience are revealed. The results of research presented in article, promote an adequate choice in student teaching of methods of translation of the knowledge aimed at maintenance in pupils of ability of inheritance.

Keywords: continuity, inheritance, translation, interiorization, eksteriorization

Преемственность в культуре – одно из условий ее существования, фактор, обеспечивающий духовное здоровье культуры. Нарушение связи поколений порождает в ней кризисные явления. Проблема преодоления разорванности живой нити культуры связана с исследованием специфики такого феномена, как наследование. Без наследования, понимаемого как присвоение человеком социокультурного опыта, без последующей трансляции им присвоенного преемственность нарушается. Разорванность культуры нивелирует возможность полноценного становления человека как личности, поскольку лишь усваивая предметы природы в формах, созданных и воссоздаваемых трудом людей, «индивид впервые и становится человеком, становится представителем «рода», в то время как до этого он был лишь представителем биологического вида» [8, с. 264]. Пониманию сущности наследования, влияющему на выбор под-

ходов к решению проблемы преемственности поколений, способствует исследование особенностей формирования внутреннего мира человека. Те или иные аспекты его изучения представлены в трудах таких выдающихся ученых, работавших в различных отраслях социально-гуманитарного знания, как В. фон Гумбольдт, П. Жане, Ж. Пиаже, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко и многие другие. Благодаря проведенным исследованиям стало очевидно, что преемственность и обеспечивающие ее процессы наследования и трансляции социокультурного опыта включают интериоризацию и экстериоризацию как специфические способы деятельности человека. **Цель статьи** – выявление специфики актов интериоризации-экстериоризации, позволяющее интерпретировать их в качестве механизмов наследования-трансляции социокультурного опыта.

В современной культурологической, психологической литературе понятие интериоризация с момента введения его французским психиатром П. Жане приобрело дополнительные коннотации: его интерпретируют не только как «вращивание действия», но при более углубленном подходе как «преобразование предметного содержания действия» [4]. Интериоризация представляет собой не только операционально-технологическое действие, но и содержательный процесс, благодаря которому открывается возможность трактовать ее в качестве условия возможности преобразования человека в пределах деятельности (например, учебной). Интериоризация, осмысленная в рамках теории деятельности и теории действия – процесс, связанный с внешней предметной активностью человека, при которой многократное осуществление действий приводит к редукции внешней (двигательной, речевой) картины, причем интериоризированное действие сохраняет те же черты предметности, что и действие, совершившееся как внешнее. Вопрос о том, как это превращение (преобразование) осуществляется, привел исследователей (Леонтьев А.Н., Выготский Л.С., Зинченко В.П. и др.) к формулированию тезиса, согласно которому модусом психического обладают как внешние (видимые), так и внутренние (невидимые) предметные действия (например, перцептивное действие, совершаемое с помощью осязающих движений рук или движений глаз, представляющее по сути психические акты) [6; 7]. Этот же тезис наполнен и другим смыслом. Построение самого предметного действия предполагает экстериоризацию, трансформацию внутреннего во внешнее. Этот акт представляет собой опредмечивание внутреннего мира человека, элемент трансляции им (передачи другим, распространение в пространстве) собственного опыта. Другими словами, интериоризация-экстериоризация – акты, границы между которыми подвижны, как и условны границы между наследованием и трансляцией. В коннотации интериоризации как перехода от *интер* (интер... интер между, «среди») к *интра* (интра – направленное внутрь») на первый план выходит такая характеристика психического, как его онтологическая укорененность. Не только психологи, но и представители других исследовательских направлений ссылаются на данное обстоятельство, имеющее значение для понимания процессов интериоризации-экстериоризации, наследования-трансляции. Об онтологичности психического позволяет говорить культурологическое понимание интериоризации, представленное,

в частности, точкой зрения нашего соотечественника, филолога-германиста, культуролога А.В. Михайлова. Согласно его подходу, интериоризация – это процесс, сопровождающий мифосемиотическую деятельность человека. Основания этой деятельности первоначально людям неизвестны и проявляются спустя некоторое время. В своей мифосемиотической деятельности, отмечает А.В. Михайлов, люди соприкасаются со смысловым процессом, обладающим собственными закономерностями. Процесс осмысления предполагает иносказательность, опосредованность, а его результат запечатлевается в знаках и символах, среди которых базовыми являются символы внутреннего и внешнего. Они исторически изменчивы в той мере, в какой изменяется и осмысливает все то, что человек вовлек в свою деятельность, чем обогатилось его взаимодействие с окружающим миром. Как показала история, внутреннее в человеке (душевное, умственное) обусловлено внешними силами, является преобразованным внешним и вещественным, трансформировавшимся в умственные образы. Греческое слово *psyche* (от *psycho* – дуо, охлаждаю; *psychros* – холодный, свежий) запечатлевает сопряженность психического с материальным началом, так же, как русское «душа», латинское «*spiritus*» и другие подобные слова, характеризующие внутренние состояния человеческого духа и демонстрирующие свою зависимость от внешних пространственных представлений. Таким образом, материальность, вещественность «...никак недопустимо представлять себе лишь как прямую противопоставленность духовному, как это характерно для самого нового времени» [9, с. 184].

Согласно А.В. Михайлову, мифосемиотической деятельности присущи процессы, обладающие неукоснительностью, последовательностью. Один из них – интериоризация [9, с. 181]. По мнению автора, интериоризация укоренена во взаимоотношениях человека с миром, со всем его бытием. Интериоризация, понятая как процесс перевода внешнего во внутренний мир человека, приводит к тому, что многочисленные содержания мира «обнаруживаются как принадлежащие человеку, человеческой личности, как зависящие от нее и направляемые ею, как коренящиеся в ней, как внутреннее человеческое достояние» [9, 181]. Согласно точке зрения автора, процесс интериоризации мира «можно, разумеется, интерпретировать в различных терминах». Добавим, подобная интерпретация интериоризации дает основания считать ее процессом, способствующим наследованию.

Для всего психического существует укорененная в бытии, присущая мифосемиотической деятельности логика интериоризации. Она связана с тем, к чему направлена деятельность, с целью, а именно с тем, что еще что-то не интериоризировано. Цель же представляет собой то, что будет интериоризировано и станет внутренним миром человека, в том числе сфера мотивации поступков: «Не только сфера мотивации, но и весь внутренний (в будущем!) мир человека предстает как внешнее по отношению к самому же человеку, как отчужденное от него (если смотреть с достигаемой позднее позиции). ...Происходит освоение, интериоризация содержаний мира, которые становятся внутренним содержанием, внутренним достоянием самого человека» [9, с. 186]. Смыслы интериоризации полнее раскрываются с учетом не только таких характеристик, как внешнее – внутреннее. Полнота осмысления включает смыслы чужое – свое, граница между которым так же подвижна, как граница между внешним и внутренним. Например, субъективированное, присвоенное чужое, в том числе чужое слово, становится своим – чужим, а затем, если повезет, и своим словом. Индивидуальность – это свое слово в культуре [1; 2].

Таким образом, процесс интериоризации тесно связан с пониманием того, что человек овладевает вполне реальными, противостоящими ему, иногда чуждыми ему, природными и социальными силами. Так же происходит овладение своими собственными силами и возвращение в себе новых сил. Интериоризируется (наследуется) все то содержание, которое присуще миру, независимо от той формы, в которой оно помещается – чувственной, перцептивной, эмоциональной, вербальной, знаково-символической, концептуальной и т.п. Имеет значение тот факт, что интериоризируется не элементарная внешняя форма символа, а его бесконечное внутреннее содержание, которое «прорастает» в нас, часто помимо нашего желания и воли. Подобное прорастание формирует не физическое, а символическое «тело» человека, его духовный организм (его желания, мотивы, ценности, сознание). Проблема возникает в связи с тем, что духовный организм, представляющий собой пространство, в которое «прорастут» те или иные содержания, сам должен быть построен [4]. Его построение (формирование) может быть осуществлено с помощью тех же символов, содержание которых должно интериоризироваться. Другими словами, интериоризации должен предшествовать акт сотворения своего собственного мира. Он не рождается из глубин

собственного духа человека, поскольку на определенном этапе его развития таковых еще нет. Вряд ли поэтому можно считать интериоризацию гносеологическим актом. Интериоризация – это акт онтологический, жизненный, реальный. Доказательство этого положения, например, у П.А. Флоренского, связано с выявлением им существенных характеристик процесса познания, а по сути, и сущности интериоризации и экстериоризации (наследования и трансляции): «Познание есть реальное *выхождение* познающего из себя или – что то же, – реальное *вхождение* познаваемого в познающего, – реальное единение познающего и познаваемого» [12, т. I, с. 73]. На языке психологов выходение из себя есть проекция, трансцендирование, экстериоризация, внешняя предметная деятельность, возможно и творческая, а вхождение есть интериоризация, интроекция. На языке культурологов, философов этот двоякий процесс описывается понятиями наследования и трансляции, распределенности и опредмечивания.

С проблемой внешнего и внутреннего, интериоризации и экстериоризации, наследования и трансляции связаны и другие трудности. Одна из них представлена вопросом: «Когда осуществляется акт встречи внешнего и внутреннего?». Когда они не только встречаются, но срачиваются, когда происходит возникновение целостных субъективно-объективных объектов – образов, переживаний, интенции, ценностей? Ближайший правильный ответ – в течение всей жизни. Но и есть еще моменты, догадки, прозрения, инсайты. Так, немецкий и американский психолог В. Келер считает, что инсайт (от англ. *insight* – проникательность, проникновение в суть, понимание, озарение, внезапная догадка, прозрение) происходит не во время ожесточенного действия, но в паузах, интервалах, перерывах в деятельности и действии. Согласно М.М. Бахтину, это – «вневременное знание, образующееся между двумя моментами реального времени». Возникшее новое, конструируемое субъектом пространство и новое время, то есть хронотоп (от *хронос* и *топос*), как назвал его А.А. Ухтомский, представляет собой пространство, в котором осуществляется развитие деятельного внутреннего. «Результатом интуиции или инсайта всегда является новый образ реальности» [11, с. 191].

Еще одна трудность связана с определением генетической последовательности интериоризации и экстериоризации и ответом на вопрос: «Кто является субъектом «творения» внутреннего пространства человека?». Чувства зависти и благодарности,

базовые чувства доверия или недоверия к миру транслируются матерью младенцу или они интериоризируются ребенком? По мнению В.П. Зинченко, благодаря материнскому любовному «угадыванию» его потребностей, младенец создает себе свой маленький комфортный мир. Он своими желаниями вызывает кормление, укачивание, колыбельную, общение и т.п. Объекты, доставляемые ему взрослым, замещают, расширяют и обогащают созданный им мир. Ребенок не только порождает знаки, понятные взрослому, но и свой собственный мир, о чем писали, в частности, доктор философии, немецкий специалист по детской психологии, ученица Э. Гуссерля Ш. Бюллер, наш соотечественник Л.С. Выготский и др. В этом порождении внутреннего мира участвует сочувствующий, деятельный взрослый. Подобные рассуждения созвучны логике Л.С. Выготского: от интерсубъективного, диалогического, к интрасубъективному, которое, после своей автономизации, сохраняет свою диалогическую природу и характер. Ребенок же с самого начала выступает как полноценный субъект, а не только партнер по совместной деятельности. Он создает то, что никто за него создать не может – свой собственный внутренний мир. И он создает его «из себя», выходит из себя, экстериоризирует.

Иные грани проблемы «внутреннее и внешнее», интериоризация-экстериоризация, наследование-трансляция обусловлены обсуждением глубинных онтологических корней психического. Введя понятие «функциональные органы» – новообразования, артефакты – российский и советский физиолог, создатель учения о доминанте А.А. Ухтомский подчеркивал их активный, деятельный характер, их энергетическую природу. Такое же свойство сохраняют и другие, возникающие позднее формы чувственной и интеллектуальной интуиции. А.А. Ухтомский рассматривал образ и мысль как гипотетический проект реальности. Их «проективный характер происходит оттого, что возникающие у человека образы и представления всегда имеют практическое значение, – они имеют в виду ту или иную деятельность и воздействие на реальность со стороны человека, то или иное взаимодействие с реальностью» [11, с. 191]. Предшественником его размышлений, их источником была «энергичная проекция человека», развитая в православной патристике, в антропологии исихазма и нашедшая продолжение в энергичной антропологии советского и российского физика, философа, богослова С.С. Хоружего. Последний убежден, что человек представляет собой полное собрание разнород-

ных энергий, определенную энергичную конфигурацию. Проводя различие между энергией и актом, исследователь считает, что энергичные понятия, передающие непосредственный опыт человека (например, в аскетической практике), не совпадают с деятельностными категориями, такими как акт, действие, деятельность, и не позволяют описать в полной мере духовную работу человека с самим собою. Для овладения собственной внутренней реальностью, без которого невозможна полноценная интериоризация (наследование), человек должен реагировать не на собственные акты, поскольку это означает следование за внутренней реальностью, вслед (после) того, что уже произошло. Человек должен отзываться на ту стихию, в которой акты зарождаются – на внутреннюю протостию деятельности, где рождаются акты, внутренние движения, побуждения, помыслы, где определяется, как человек будет действовать. Это та сфера, к которой деятельностный подход равнодушен.

Подытоживая, подчеркнем, что взаимодействие человека с окружающим миром, характеризуют такие действия человека, как интериоризация-экстериоризация. Они позволяют обосновывать и осуществлять на практике наследование-трансляцию социокультурного опыта, способствуя формированию целостного человека, поддерживающего преемственность в культуре. В предложенном контексте наследование интерпретируется как такое присвоение социокультурного опыта, которое осуществляется благодаря интериоризации. Осуществление этого чисто социального наследования форм жизнедеятельности происходит как интериоризация (присвоение) таких ее форм, которые не передаются через гены или морфологию органического тела. Благодаря воспитанию, приобретению к наличной культуре «...органическое тело индивида превращается... в полномочного представителя рода (т.е. всей конкретно совокупности людей, связанных узами общественных отношений) [8, с. 264], способного поддерживать преемственность в культуре.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 7–180.
2. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 361–373.
3. Гордеева Н.Д. Экспериментальная психология исполнителю действия. – М., 1995.
4. Зинченко В.П. Проблема внешнего и внутреннего и становление образа себя и мира как реализация сознания //

Мир психологии: научно-методический журнал / под ред. Д.И. Фельдштейн, А.Г. Асмолов. – 1999. – № 1 январь-март 1999. – С. 97–104.

5. Зинченко В.П. Шепот раньше губ, или что предшествует эксплозии детского языка. // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 2. – С. 2–18.

6. Зинченко В.П. Мысль, слово, образ, действие, аффект: общее начало и пути развития (от первичной интегральности к богатству душевной жизни) // Методология и история психологии. – 2009. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 87–112.

7. Зинченко В.П. Философско-гуманитарные истоки психологии действия // Вопросы философии. – 2014. – № 3. – С. 73–84.

8. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М., 1991.

9. Михайлов А.В. Языки культуры. – М., 1997.

10. Молчанов В.И. Сознание, различение, опыт // Философия сознания: история и современность: материалы научной конференции, посвященной памяти профессора МГУ А.Ф. Грязнова (1948–2001) / под ред. В.В. Миронова. – М.: Современные тетради, 2003.

11. Ухтомский А.А. Лицо другого человека. – СПб., 2008.

12. Флоренский П.А. Собр. соч.: В 2 т. – М.: Правда, 1990.

13. Хоружий С.С. Выготский, Флоренский и исихазм в проблеме формирования современной антропологической модели / Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выготский – П.А. Флоренский: Несостоявшийся диалог: доклад и дискуссия в рамках конференции, Москва, ноябрь 2002 г.

References

1. Bakhtin M.M. Avtor i geroy v esteticheskoy dejatel'nosti // Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. pp. 7–180.

2. Bakhtin M.M. K metodologii gumanitarnykh nauk // Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. pp. 361–373.

3. Gordeeva N.D. Experimentalnaya psikhologiya ispolnitelnogo deystvia. M., 1995.

4. Zinchenko V.P. Problema vneshnego i vnutrennego i stanovlenie obrasa sebya i mira kak realizatsia soznania // Mir

psikhologii: nauchno-metodicheskiy zhurnal / D.I. Feldstein, A.G. Asmolov. 1999.no. 1. pp. 97–104.

5. Zinchenko V.P. Shepot ranshe gub, ili chto predshestvuet eksplosii detskogo yazyka. // kulturno-istoricheskaya psikhologiya. 2008. no. 2. pp. 2–18.

6. Zinchenko V.P. Mysl, slovo, obras, deystvie, affect: obshchee nachalo i puti rasvitiya (ot pervichnoy integralnosti k bogatstvu dushevnoy zhisni) // Metodologia i istoria psikhologii. 2009. Vol. 4. no. 1. pp. 87–112.

7. Zinchenko V.P. Filosofsko-gumanitarnye istoki psikhologii deystvia // Voprosy filosofii. 2014. no. 3. pp. 73–84.

8. Ilyenkov E.V. Philosophia i kultura. M., 1991.

9. Mikhaylov A.V. Yazyki kultury. M., 1997.

10. Molchanov V.I. Soznanie, raslichenie, opyt // Philosophia sosnania: istoria i sovremennost. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy pamyati professora MGU A.F. Gryaznova (1948–2001). M., 2003.

11. Ukhtomsky A.A. Litso drugogo cheloveka. Spb., 2008.

12. Florensky P. A. Sobraie sochineniy. M., 1990.

13. Horuzhy S. S. Vygotsky, Florensky i isikhazm v probleme formirovaniya sovremennoy antropologicheskoy modeli / Doklad i disskussia v ramkakh konferentsii «Antropologicheskie matritsy XX veka. L.S. Vygotsky, P.A. Florensky: nesostoyavshiy dialog», M., 2002.

Рецензенты:

Жаров Л.В., д.ф.н., к.м.н., профессор, заведующий кафедрой «История и философия», ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный медицинский университет» Минздрава РФ, г. Ростов-на-Дону;

Рожковский В.Б., д.ф.н., доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский юридический институт МВД РФ, г. Ростов-на-Дону.

Работа поступила в редакцию 10.10.2014.